

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Факультет: Филологический

Выпускающая кафедра: Мировой литературы и методики ее преподавания

Казакова Маргарита Сергеевна
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Тема: **Жанр поэтического некролога в русской литературе XVIII-XX веков (материалы для преподавания элективного курса в школе)**

Направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы: Литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав.кафедрой мировой литературы
и методики ее преподавания
к.ф.н., доцент Липнягова С.Г.

17.05.2017 Липнягова
(дата, подпись)

Руководитель к.ф.н., доцент мировой
литературы и методики ее преподавания
Гайдукова Е.Б.

Дата защиты 22.06.2017 Гайдукова

Обучающийся: Казакова М.С.
Казакова
(дата, подпись)

Оценка _____
(прописью)

Красноярск
2017

Содержание

Введение	3
Глава I. История и теория некролога как жанра литературы	
1.1. История возникновения и развития жанра поэтического некролога...6	
1.2. Художественные особенности поэтического некролога как жанра...12	
Глава II. Поэтический некролог в русской литературе XVIII-XX	
2.1. Поэтические некрологи XVIII-XIX веков.....24	
2.2. Своеобразие поэтические некрологов в литературе XX века: традиции, трансформации и новые элементы поэтики.....41	
Заключение	50
Список используемой литературы	53

Введение

Русская классическая литература подарила миру великолепные образцы поэтического творчества, отличающиеся многообразием жанров (ода, элегия, эпиграмма, сатира, басня, баллада и многие другие). Особенности каждого из них неоднократно и с разных сторон рассмотрены в исследовательских работах ученых-филологов, что свидетельствует о большом интересе к вопросам истории и теории жанрообразования поэтических текстов (работы Г.А. Гуковского, Б.М. Гаспарова, Б.Ф. Егорова, Р.В. Иезуитовой, Л.Н. Киселева, Ю.М. Лотмана, В.И. Маслова, Г.В. Москвичевой, М.Л. Семенова и других).

В XVIII-XX веках приобретает популярность довольно специфический жанр *поэтического некролога*. Это связано, в первую очередь, с гибелью великих писателей и культурных деятелей (А. С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Н. Добролюбов, С. Есенин, В. Маяковский, А. Н. Вертинский, М. Б. Греков, Б. М. Кустодиев, С. С. Прокофьев, К. С. Станиславский). Друзья поэтов, такие же писатели, как и они, их современники, выражали боль утраты в поэтических строках, в течение непродолжительного времени оформившихся фактически в самостоятельный жанр поэтического некролога с присущими именно ему жанровыми признаками и поэтико-стилистическими нюансами.

Однако, не смотря на интерес исследователей к литературной деятельности писателей, такой вид жанра как поэтический некролог остался недостаточно изученным. Таким образом, **актуальность** настоящей дипломной работы обусловлена довольно низкой степенью изученности в современном литературоведении жанра поэтического некролога при как всегда повышенном интересе филологической науки к вопросам жанрообразования и трансформации жанров.

Цель исследования состоит в изучении структурных и поэтологических особенностей жанра поэтического некролога русской литературной традиции XVIII-XX веков.

Постановка цели исследования обусловила формулировку следующих **задач**:

1. изучить историю генезиса и эволюции жанра поэтического некролога;
2. сравнить поэтический и прозаический некрологи, на основе сравнения выявить характерные черты поэтического некролога как самостоятельного литературного жанра;
3. выявить и проанализировать особенности поэтического некролога в творчестве русских писателей XVIII-XX веков.

Материалом исследования являются поэтические тексты русских классиков XVIII-XX веков, написанные в качестве отклика на смерть / гибель своих современников – выдающихся деятелей культуры.

Объект изучения – исследование вопросов жанрообразования и трансформации существующих жанров русской литературной традиции.

Предмет изучения – исследование структурных и поэтических особенностей жанра поэтического некролога в русской литературе XVIII-XX веков как самостоятельного литературного жанра.

Методы исследования – культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический методы, элементы мотивного анализа, а также элементы описательного и реферативного методов.

Изучив научную литературу по вопросам жанрообразования в мировой и отечественной литературной традиции, мы не обнаружили специального исчерпывающего исследования природы и специфики жанра поэтического некролога. Полагаем, что настоящее дипломное сочинение хоть в малой степени может восполнить этот пробел. Именно этим аспектом обусловлена **новизна** данного исследования.

Методологическую базу дипломной работы составили труды Г.А. Орлова (2009 г.), А.В. Громова (2009 г.), И. Захариева (2008 г.) в которых с литературоведческих позиций исследуются особенности политического, художественного и поэтического некрологов, соответственно.

Научно-практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке элективного курса по истории русской литературы XVIII-XX века в старших классах

общеобразовательной школы, для знакомства и обсуждения на уроках внеклассного чтения. Также нам видится возможность использования отдельных положений настоящей дипломной работы в рамках основных лекционных курсов и спецкурсов для студентов-бакалавров филологических факультетов.

Перспектива дальнейшего изучения темы видится в расширении корпуса анализируемых текстов как классическими образцами, так и новейшими произведениями, возникающими на современном этапе развития русской словесности.

Структура работы классическая, включает Введение, две главы – теоретико-методологическую и аналитическую, Заключение, Список литературы, насчитывающий 75 наименований.

Глава I

История и теория жанра поэтического некролога

Первая глава нашего исследования посвящена изучению истории возникновения и развития жанра поэтического некролога, рассмотрению структурных и поэтических особенностях некролога как самостоятельного жанра.

1.1. История возникновения и развития жанра поэтического некролога

Жанр поэтического некролога берёт своё начало в древнерусской литературе. Своеобразным первоисточником данного жанра, по словам И.П. Еремина, становится такой тип летописного повествования как летописная повесть [Еремин, 1957: 102]. Как исторический источник и как особый литературный жанр «летописный некролог» неоднократно привлекал внимание исследователей. Так, Д.С. Лихачев, изучая образ идеального правителя в древнерусской литературе, в качестве одного из источников рассматривал похвальные слова русским князьям, сопровождающие некрологические записи [Лихачев, 1958: 53]. С.А. Высоцкий провел сравнительный анализ летописных некрологических записей (он использовал термин «традиционные книжные эпитафии») и древнерусских граффити-эпитафий [Высоцкий, 1966: 24]. А.А. Пауткин обратил внимание на соотношение в княжеском летописном некрологе шаблона «литературного этикета» и реальных черт исторической личности [Пауткин, 2002: 245]. По мнению исследователя, одной из задач создания княжеского летописного некролога была потребность восполнить «разрозненность отдельных биографических фактов» [Пауткин, 2002: 233], летописцы творчески комбинировали различные выражения «литературного этикета», чтобы создавать индивидуальные портреты: «летописные похвалы содержат меткие наблюдения, адекватные в основных чертах свойствам личности» [Пауткин, 2002, 244].

В.В. Кусков при анализе источников княжеской святости рассматривал «некрологическую похвалу» как один из элементов некрологической

летописной записи и отмечал ее значимость в реконструкции посмертного статуса русского князя как объекта канонизации. Изучая особенности княжеских некрологов, А.А. Турилов сделал предположение, что «по крайней мере, некоторые из летописных «некрологов» (наиболее пространные, такие, например, как рассказ “Об Андрее Боголюбском” или “О Владимире Васильковиче Волынском”) могли быть связаны с нереализованной попыткой канонизации лиц, которым они посвящены» [Блудилина, 2005: 42]. Исследователь обратил внимание на то, что некрологической похвалы часто удостоивались князья, оцениваемые сегодня как второстепенные исторические персонажи. А.А. Турилов считает, что у современников и потомков могло быть разным восприятие значимости личности правителя в контекстах общерусской и региональной истории.

Русская летописная традиция вообще важное место отводила сообщениям о смерти. Это было связано с особым отношением православных христиан к переходу в новое состояние человека: смерть есть переход к вечной жизни. Однако записи некрологического характера в основном посвящены кончине представителей правящих династий и высших церковных иерархов. Они могли быть довольно лаконичными. Например: «Въ лѣто 6763 <...> преставися Костантинъ Ярославичъ...» [Еремин, 1966: 263]. Но также они могли содержать и развернутый рассказ об обстоятельствах кончины, траурной церемонии и месте погребения [Еремин, 1966: 263]. «В лето 6630. Ведена Мьстиславна в Греки за царь, и митрополит Никита приде из Грек, и Даннло епископ Гурьговьскый умре, и Анфилофий епископ Володимерьскый умре, и земля погресея мало, и Володаря яша ляхове лъстью, Василкова брата» (стр. 206); «В то же веремя преставися Иванко Гюргевичь... А Святослав възвратися, поиде вверх Оки...» (стр. 240). Под 1162 г., например, читаем: «Том же лете преставися князь Иван Ростиславичъ, рекомый Берладник, в Селуни; инии тако молвахуть, яко с отравы бе ему смерть» (стр. 355) [Еремин, 1966: 264].

В составе Киевской летописи сравнительно немного повестей, вплетенных в цепь летописных рассказов, образующих более или менее

самостоятельное целое, легко выделяемое из общего потока летописного повествования. Например, повесть под 1147 г. «Об убийстве Игоря Олеговича», под 1168 г. – «О кончине Ростислава Мстиславича», под 1175 г. – «Об убийстве Андрея Боголюбского», под 1178 г. – «О кончине Мстислава Ростиславича», под 1197 г. – «О кончине Давида Ростиславича». Под 1164 г., например, читаем: «То же лето бысть поводь велика в Галичи <...>, и бысть в них жатва дорога рамяно на ту зиму» (стр. 358); под 1180 г.: «Иде Святослав к Любчю и призва к себе братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода; ряды ему деющю, еде же удеся велико зло в Киеве: погореша дворове по Горе...» (стр. 415); под 1196 г.: «Того же лета во Олговичех преставися князь Всеволод Святославич...» (стр. 467). Все эти повести, объединены одной темой: смерть того или иного князя. Обстоятельство это позволяет установить генезис и этих повестей и самого жанра в целом: «Есть основания полагать, что зерном, из которого повесть, как жанр, выросла и сформировалась, является запись, сообщающая о смерти какого-либо князя» [Еремин, 1966: 265].

Подобных записей в Киевской летописи много, и все они, в рамках погодного известия, составлены однотипно: сообщается о дате смерти князя, где, в каком именно монастыре или церкви, он был погребен; очень часто добавляется сюда еще и краткое упоминание о плаче над телом покойного его ближайших родственников или всего народа. Обычная в некрологе прямая характеристика покойного князя стала явно перерастать в типичную житийную «похвалу» со всеми ее аксессуарами (риторические обращения к покойному, экскурсы в его биографию). Так, обрамляющая повесть «Об убийстве Андрея Боголюбского» «похвала» – типичный пример перерождения прямой характеристики некролога в агиографический панегирик.

К составным частям погодного извещения постепенно присоединилась прямая – «от автора» – характеристика покойного князя как человека и как примерного христианина, иногда с кратким перечислением его заслуг перед русской землей, фактов его деятельности как церковного строителя, также присутствовало краткое описание его внешнего облика. С присоединением

такой характеристики погодная запись о смерти князя относилась в рассказ особого типа – в некролог; например, Владимира Мономаха, Святослава Ростиславича, Глеба Юрьевича, Святослава Юрьевича, Романа Ростиславича.

Прямая характеристика покойного князя в некрологе внесла первые элементы агиографической стилизации, о чём выразительно говорят *эпитеты*, которые описывали личность князя, например: «благочестивый», «христолюбивый», «честный», «блаженный», «святой» (Владимир Мономах); *подбор христианских добродетелей*, которыми в некрологе, часто без должного чувства меры, стал наделяться покойный князь: «братолюбец», «нищелюбец» (Владимир Мономах), «бе украшен всякою добродетелию», «манастыри набдя и черныце утешивая, и мирьския церкви набдя и попы, и весь святительский чин достойною честью чтяше» (Святослав Ростиславич), «братолюбец», «кроток, благонравен, манастыре любя, чернецкий чин чтяше, нищя добре набдяше» (Глеб Юрьевич), «избраник божий», «втьистину божий угодник» (Святослав Юрьевич) [Пауткин, 2002: 246]. Наличие в повести всех элементов некролога (сообщения о том, когда умер князь; где был погребен; сообщения о плаче над телом князя его родственников или всего народа; его прямой «от автора» характеристики как человека) свидетельствует, что завершился процесс формирования повести как жанра; постепенно к некрологу начал присоединяться рассказ о событиях, непосредственно предшествовавших кончине князя, об обстоятельствах его смерти. Рассказ этот в составе повести занял центральное место и, отодвинув в сторону традиционный некролог, всё-таки не вытеснил его полностью, а оставил все составные части, которые нередко чередовались в том же порядке, что и раньше.

В фольклорной же традиции некролог представлен как плач, *причитание* (причать, голошение, вопль, крик), являющийся жанром русской обрядовой и бытовой народной поэзии; лирико-драматической импровизацией в стихах, в которых оплакивается смерть или несчастье близкого человека. Фактически как самостоятельный жанр, плачи проникают в книжные произведения, как, например, широко известный плач Ярославны в «Слове о полку Игореве»:

«...На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся / слышитъ, / зегзицею незнаема рано кычетъ: / «Полечю, – рече, – зегзицею по Дунаеви, / омочю бибрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, / утру князю кровавыя его раны / на жестоцѣмъ его тѣлѣ». / Ярослава рано плачетъ / въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: / «О вѣтрѣ, вѣтрило! / Чему, господине, насильно вѣши? / Чему мычещи хиновскыя стрѣлки на своею нетрудною крилицю на моя лады вои? / Мало ли ти бѣшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти, / лелѣючи корабли на синѣ морѣ? / Чему, господине, мое веселие / по ковылию развѣя?». / Ярослава рано плачетъ / Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: / «О Днепре Словутицю! / Ты пробилъ еси каменныя горы / сквозѣ землю Половецкую. / Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави / насады / до плѣку Кобякова. / Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, / а быхъ не слала къ нему слезъ / на море рано». / Ярослава рано плачетъ / въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: / «Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! / Всѣмъ тепло и красно еси: / чему, господине, простре горячую свою / лучю / на ладѣ вои? / Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи / съпряже, / тугою имъ тули затче?..»

Известен и плач московской княгини Евдокии над телом Дмитрия Донского. Житие зырянского просветителя Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым (автором жития Сергия Радонежского), заканчивается риторическим эпилогом в форме плача: «Плач пермских людей», «Плач пермской церкви» и «Плач и похвала инока списующа», то есть самого автора жития. Известен также анонимный «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» (1611–1612). В XVII в. поэт Сильвестр Медведев написал «Плач и утешение» по поводу смерти царя Федора Алексеевича.

Особенность поэтики плача определяла эмоциональная напряженность. Мелодия в причитаниях выражена слабо, зато большую роль играли всхлипывания, оханье, поклоны. В народной песенной культуре причитания создавались от имени того, кому посвящен обряд (невесты, рекрута), или от имени иных его родственников. По форме они представляли собой монолог или лирическое обращение: *«В доме всё переменилось! // По мне окошко запечалилось. // Все стеклока затуманились: // Не видать да свету белого //*

Под косивчатым окошечком!»; «Не вещуйте-тко, родимый, // Что пеняла, горька сирота. <...> // Что не плавает камень по воде. // Как не ходят мертвы по земле!» [Чистова, 1984: 48].

Возникновение периодической печати в России – с петровских «Ведомостей» 1703 года – послужило толчком развития поэтического некролога как отдельного жанра, который к концу XVIII века стал весьма распространенным. Например, Алексей Мерзляков в своей кантате «Слава» (1799–1801): *«Только гений испытаний // Младость робкую ведет // По стезе скорбей, страданий... // В самом образе смертей // Будь нашей ты душой!»* [Рубцова, 1999: 209, 214]. Ярко высвечен культ Гения в элегии Александра Беницкого «Кончина Шиллера» (1805): *«Гений, как в тверди светило, // Век не мерцая, // Греет, живет, восхищает // Взоры вселенной»* [Сионова, 1995: 627]. Основная музыкальная тема оды Н.А. Львова «Музыка, или Семитония» (1796) связана с символом Гармонии, посвящена творчеству Шиллера: *«Да будет мне неведом век // Жестокий, хладный, злополучный, // Угрюмый, бедный человек, // Противник власти стройной, звучной; // Блаженства не познает он, // Не встретит друга с восхищеньем, // Сердечным не почтит биеньем // Ни счастья плеск, ни скорби стон»* [Прозоров, 2002: 223–224].

По мере признания важного значения некролога как исторического документа в XVIII веке стали издаваться и сборники некрологов. Одним из первых был выпущенный на французском языке в Амстердаме в 1723 (с дополнением в 1735) сборник «Necrolge de PortRoyal». Позже многотомные собрания некрологов смыкаются с биографическими словарями. В России некрологи за минувший год публиковались с 1831 Академией наук в «Месяцеслове», откуда они перешли в календари (Русский календарь А. Суворина. 1872-1917). В 1876 стал выходить составленный Г.Н. Геннади «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII-XIX столетиях, и Список русских книг с 1725 по 1825 год». В них сведения об умерших даны до 1874.

Проанализировав историю возникновения жанра поэтического некролога, мы пришли к выводу, что на его формирование оказывают влияние произведения книжной и фольклорной традиции. В первом случае – это древнерусская летописная повесть, в которой, по традиции, важное место отводилось сообщениям о смерти представителей правящих династий и высших церковных иерархов. Так же летописные повести могли содержать и развернутый рассказ об обстоятельствах кончины, траурной церемонии и месте погребения. Подобных записей в Киевской летописи много, и все они, в рамках погодного известия, составлены однотипно: сообщается о дате смерти князя, где, в каком именно монастыре или церкви, он был погребен; очень часто добавляется сюда еще и краткое упоминание о плаче над телом покойного его ближайших родственников или всего народа. Обычная в некрологе прямая характеристика покойного князя стала явно перерастать в типичную житийную «похвалу». С другой стороны, на формирование жанра некролога оказывает влияние народный плач – по невесте, рекруту, по усопшему родственнику. Вместо фактов и конкретики народный плач «передает» жанру некролога эмоциональность, субъективность и необходимый набор изобразительно-выразительных средств.

Таким образом, формирование жанра поэтического некролога завершилось в конце XVIII века, в этот период данный жанр стал весьма распространенным.

2.2. Поэтический некролог как самостоятельный жанр: структурные и поэтические особенности

Жанр некролога требует от автора тщательного отбора жизненного материала ушедшей из жизни личности. После смерти известного человека в средствах массовой информации появляется большое количество некрологов. С определенной долей условности, присущей любым классификациям, их можно разделить на три группы: газетный (сухой, краткий), художественный и поэтический некрологи.

Характерными чертами газетного некролога являются указание даты смерти, возраста человека, на момент кончины, выражение сочувствия близким, понесшим утрату, описывание заслуг усопшего перед отчеством или отдельными сторонами общественной жизни. Также некролог такого типа имеет сравнительно небольшой объем, его текст обладает сухостью и сжатостью, расположен он чаще всего на последней странице печатного издания, рассмотрим несколько примеров газетного некролога:

«На этой неделе, 31 октября ушел из жизни человек, который символизировал собой всю эпоху советского кинематографа. Актер, обладавший безмерным авторитетом и заслуженной любовью поклонников кино всего постсоветского пространства. Человек, творческий путь был уникален в буквальном смысле этого слова»

[52].

«В 101 год он продолжал играть на сцене своего театра и был единственным в мире действующим актером такого почтенного возраста. Ушел из жизни Владимир Михайлович Зельдин»

[52].

«Ушел из жизни актер, кавалер ордена Дружбы, народный артист России Алексей Дмитриевич Жарков. Ушел удивительно талантливый артист, скромный, добрый человек. Он скончался 5 июня после продолжительной болезни. Алексею Жаркову было 68 лет»

[62].

«В Москве умер известный актер театра и кино народный артист России Альберт Филозов, сообщает «Интерфакс». Актеру было 78 лет»

[64].

Итак, структура текста газетного некролога максимально сжата, содержит краткие сведения о личности умершего, его деятельности, жизненном пути.

Художественные некрологи являются эмоционально окрашенными, в них говорится о значимости личности, документальность в таких некрологах не стоит на первом месте, объем текста может быть различным.

«Блестящий актер, очень интересный человек, великолепный наставник молодежи, прекрасный собеседник, Зельдин до последних дней старался быть в хорошей физической форме. <...> В 2013 году (когда ему было 98 лет) он принял участие в эстафете Олимпийского огня, став старейшим человеком, когда-либо участвовавшим в этом действе.

Все, кто близко знал великого артиста, отмечали, что Зельдин был потрясающе жизнелюбив и удивительно молод душой. Но для этого не надо было его близко знать. Эти свои качества он передавал зрителям на сцене театра и в своих кинематографических и телевизионных работах. Неповторимый Владимир Михайлович Зельдин. Светлая ему память...»

[52].

«Умер Владимир Михайлович Зельдин. “Умер” и “Зельдин” – эти слова кажутся случайно сошедшимися в одном предложении и вместе: казалось, что век Зельдина бесконечен, что он будет всегда, и это ощущение мирило с какими-то другими печалью – вот ведь, казалось, есть что-то постоянное, раз и навсегда.

Он служил в Театре Красной Армии, в Театре Советской Армии, а 3 ноября с ним будут прощаться в Театре Российской Армии, на сцену которого он выходил почти до последнего дня. Это же и есть счастье – быть востребованным, любимым, собирать двухтысячный зал, который, может, сперва просто смотрел на 100-летнего актера как на диковинку, но с каждой следующей минутой проникался все больше и больше страстями, и мыслями, и словами его героев. Он прожил счастливую и долгую жизнь. Есть чему позавидовать, честно говоря»

[65].

«Советская и российская актриса театра и кино, заслуженная артистка Российской Федерации Наталья Крачковская (урождённая Белогорцева) скончалась в возрасте семидесяти семи лет. Безумно талантливая, без неё невозможно представить советский кинематограф. Она до сих пор продолжает жить во множественных кинолентах ушедшей эпохи – съёмки в кино были не просто её работой. На киноплощадке была её жизнь. Все её роли, моментально запоминающиеся, очаровывали зрителей с первого кадра. Близкие к людям, комичные и харизматичные (в основном второго

плана) принесли Наталье Леонидовне всесоюзное признание, однако звание народного артиста Наталья получила только в ноябре 1996 года.

За всю свою съёмочную деятельность Наталья снялась в более ста с лишним фильмах. Первый фильм с Крачковской вышел на экраны в 1955 году. Молодая и задорная Наташа сыграла Раечку в картине “Повесть об агрономе”.

Она всегда шла по жизненному пути с улыбкой, немного грустная, женщина – “мечта поэта” навсегда останется в наших сердцах. “Пленница жанра комедии” – так говорила о себе Наталья, навсегда пленившая своим обаянием миллионы зрителей. Светлая память»

[65].

Внутренний, эмоциональный аспект оценки художественного некролога включает мотивированное отношение автора некролога к траурному событию, значение того, чем для него лично является факт смерти человека.

Поэтические некрологи принадлежат высокой поэзии, в них преобладает эмоциональная окрашенность, они являются персонально ориентированными текстами и этикетное начало в них проявляется достаточно сильно. Признаком эмоциональной оценки в поэтическом некрологе является чувство скорби по усопшему, которое проявляется в широкой палитре языковых средств. Рассмотрим несколько примеров поэтического некролога.

Например, один из ранних и, безусловно, оригинальных, поэтических некрологов – стихотворение на смерть императора Александра I – «Александрю I» – Зинаиды Волконской (1826 г., «Московский телеграф»):

Где Царь, где Сын, Супруг,
Несчастных щит и друг,
Могучий Князь и Христианин,
Герой, в порфире Россиянин? –
Где Ты, о Рыцарь наших лет!
Явись! – Твой вид нас оживляет:
Краса души в тебе сияет,
А честь Твоя, как свет,
На доблестном челе блистает.

Глядишь – душа в Твоих очах,
Речёшь – душа в Твоих словах.
Брат ратникам и Вождь любимый,
Смиренный, непоколебимый,
Посредник праведный, на троне человек
Гряди в Москву! Ея ты столп и сила:
Она Европе возгласила,
Что век Твой, Россам славы век!
Где Ты, Отечества Сын милый?
Где Ты?... Но с Юга звук унылый
До нас дошёл... уж нет его!
Несёт народ Монарха своего,
Несёт... куда? – в гробницу...
О Боже!.. Но устав закона Твоего
Велит хвалить разящую десницу?
Он там, где времени конец,
Где злобе бурь мирских предвечная препона.
На что Ему здесь брменная корона?
Бессмертному, бессмертный и венец!

Некролог «Александрю I» выражает отношение автора к деятельности императора, сравнивая его с рыцарем («о Рыцарь наших лет!»), характеризуя следующими строками: «Брат ратникам и Вождь любимый / Смиренный, непоколебимый / Посредник праведный, на троне человек». Текст эмоционально окрашен, используются художественно-выразительные средства: эпитеты «праведный, унылый (звук), предвечная (препона), брменная (корона)», сравнение «А честь Твоя, как свет,..», метафоры «Несчастных щит, / Где Ты, о Рыцарь наших лет! / Краса души в тебе сияет / Речёшь – душа в Твоих словах», риторический вопрос «Где Ты, Отечества Сын милый? / Несёт... куда? / На что Ему здесь брменная корона?». Следующие строки напоминают плач, потому что содержат мотивы оплакивания умершего: «Где Ты?... Но с Юга звук унылый / До нас дошёл... уж нет его!».

Поэтический некролог на смерть С.А. Есенина написал русский поэт Василий Казин «Памяти Сергея Есенина» (1925 г.), в котором говорится о значимости С.А. Есенина как «поэта деревни», о его наследии в русской литературе, которое останется после него и будет не забыто новыми поколениями:

Эх, Сергей, ты сам решил до срока
Завершить земных волнений круг...
Знал ли ты, что станет одинока
Песнь моя, мой приумолкший друг!

И каким родным по духу словом
Пели мы – и песнь была тиха.
Видно, под одним народным кровом
Мы с тобой растили дар стиха.

Даже и простое восклицанье
Часто так и славил без слов,
Что цвело певучее братанье
Наших русских песенных стихов.

И у нас – о, свет воспоминаний! –
Каждый стих был нежностью похож:
Только мой вливался в камень зданий,
Твой – в густую золотую рожь.

И, влеком судьбою полевою,
Как и я – судьбою городской,
Ты шагал крестьянскою тропой,
Я шагал рабочей мостовой.

Ты шагал... и, мир вбирая взглядом,
Вдохновеньем рвался в пастухи:
Милым пестрым деревенским стадом
Пред тобой стремился мир стихий.

На пути, и нежный и кудрявый,
Ты вкусил горячий мед похвал.
И кузнец, создатель каждой славы, –
И тебя мой город петь призвал.

Пел. Но в нем, пристрастьем непрестанным
Утвердив лихие кутежи,
Сам затмил ты огненным стаканом
Золотой любимый облик ржи.

Где же ты, зеленых кос небрежность?
Где пробор березки при луне?..
И пошел тоскливую мятежность
Разносить, как песню, по стране.

Знать, не смог ты, друг, найти покою –

И под пьяный тягостный угар
Затянул смертельною петлею
Свой чудесный стихотворный дар.

Хоть земля твой облик крепко скрыла,
Мнится бледной памяти моей,
Что вот-вот – и свежая могила
Вспыхнет золотом кудрей
И стихов испытанная сила
Запоет о благодати полей.

[69].

Поэт В. Казин для передачи эмоционального отношения к трагическому событию, связанному со смертью С.А. Есенина, в своем поэтическом некрологе обращается к следующим выразительным средствам: эпитеты («земных (волнений), народным (кровом), золотую (рожь), милым пестрым деревенским (стадом), нежный и кудрявый (мед похвал), тоскливую (мятежность), чудесный (дар), бледной (памяти)»), риторический вопрос («Где же ты, зеленых кос небрежность? / Где пробор березки при луне?..»), риторическое восклицание («о, свет воспоминаний!»), метафоры («цвело невучее братанье, / вливался в камень зданий, / Твой – в густую золотую рожь, / вкусил горячий мед похвал, / И тебя мой город петь призвал, / Затянул смертельною петлею / Свой чудесный стихотворный дар, / Вспыхнет золотом кудрей / И стихов испытанная сила / Запоет о благодати полей»).

Смерти С.А. Есенина посвящали и художественные некрологи, например, в некрологе «Об отошедшем (О С. Есенине)» А.К. Воронский, начиная с всеобщего чувства скорби, рассматривает жизненный путь поэта и наиболее значительные произведения. «Стихи и песни Есенина были хорошо известны читающей России. Даже те, кому наиболее чуждыми казались его основные поэтические настроения, не могли равнодушно отнестись к его творчеству: его стихи доходили, цеплялись за сердце и находили отклик у каждого по-своему» [54]. Вся статья главным образом состоит из воспоминаний о С.А. Есенине. Лейтмотивом очерка стала мысль о том, что С.А. Есенин был «истинным поэтом». Оценивая роль поэта в русской литературе, критик отмечает и то, что С.А. Есенин стал народным поэтом, отразившим в литературе чистоту, цветистость, узорность и меткость народного языка и

говора, материальность и выразительность образов, взятых из деревенского обихода, с поля, из перелесков, проселочных дорог.

Говоря о творчестве С.А. Есенина, критик особое внимание обращает на тематику его произведений: «Первый цикл его стихов был деревенски-идиллический, окрашенный церковностью. Затем пришел период «Инонии». В «Инонии» сквозь религиозную, мистическую шелуху просвечивает вполне реалистическая картина своеобразного мужицкого рая, где нет ни чиновников, ни податей, где деревни тучнеют от колосистого урожая, а избы крыты тесом, где нет стальных и железных гостей, от которых поэт ждет только гибели» [54].

Завораживает читателя, с какой теплотой отзывается А.К. Воронский о творчестве С.А. Есенина, как проникновенна его речь: «Поэзия Есенина поражает своей обнаженной непосредственностью и напряжением. Он писал нутром, всем своим существом. Он был расточителен и в своем поэтическом творчестве, в том, как он творил. Он писал только о том, что глубоко волновало и трогало его. Думается, что и бесшабашность разгула и беспорядочность жизни его по мысли поэта отчасти служили той же поэзии: таким путем он старался держаться на уровне нужного ему подъема» [54].

Из стихотворения Анны Ахматовой памяти В. Маяковского 1913 г. [61]:

...И уже отзывный гул прилива
Слышался, когда ты нам читал,
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы нынче, всей страной хранимо,
Зазвучать, как боевой сигнал...

В поэтическом некрологе, посвященном смерти В.В. Маяковского, А.А. Ахматова использует художественно-выразительные средства для передачи эмоционального отношения к трагической смерти поэта: олицетворение («*Дождь косил свои глаза гневливо*»), метафоры («*гул прилива /*

Слышался, когда ты нам читал / С городом ты в буйный спор вступал»), сравнение («как боевой сигнал»), эпитеты («отзывный (гул), буйный (спор), душный (зал), боевой (сигнал)»).

Из стихотворения Анны Ахматовой, посвященного памяти Николая Гумилева 1921 г. [70]:

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики
...А я была его женой.

Композиция поэтического некролога объединена антитезой *«любил – не любил»*, которая рисует психологический портрет Н. Гумилева. В строке *«За вечерней пенью, белых павлинов»* – церковное пение уносит человеческую душу в горние выси, к Богу, а *«стертые карты Америки»* напоминают о других маршрутах – маршрутах первооткрывателей, победителей, готовых рисковать и сражаться. Белые павлины несут в себе ноту царственной экзотики, при этом они белого цвета – символ смерти. «Нелюбовь» олицетворяют детский плач, чай с малиной и «женская истерика». В последней строке *«...А я была его женой»* Ахматова использует многоточие, которое вмещает в себя целую жизнь – жизнь жены поэта, то, о чем нельзя сказать, потому что невозможно передать все страдания, унижения, всю боль, сильные чувства, острые переживания, которые оказываются немногословными.

Из песни Александра Градского «Песнь о друге» памяти В.С. Высоцкого [70]:

Он из самых последних жил не для славы и пел и жил,
Среди общей словесной лжи он себя сохранил.
И на круче без удержки все накручивал виражи,
Видно, мало нас учит жизнь – тот убит, кто раним...

Градский передавая свое личное отношение к смерти поэта В.С. Высоцкого обращается к метафоре, сравнивая творческую деятельность

Высоцкого с полетом: *«И на круче без удержки все накручивал виражи»*, а причину смерти видит в народной мудрости: *«Видно, мало нас учит жизнь – тот убит, кто раним»*.

Известный советский и российский актёр театра и кино Валентин Гафт посвятил памяти В.С. Высоцкого следующие строки [55]:

Всего пяток прибавил бог к этой цифре 37,
Всего пять лет накинул к жизни плотской.
И в 42 закончил и Рассел, и Джо Дассен,
И в 42 закончил наш Высоцкий.
Не нужен нынче револьвер, чтоб замолчал поэт,
Он сердцем пел – и сердце разорвалось!
Он знал – ему до смерти петь, не знал лишь сколько лет,
А оставалось петь такая малость.
Но на дворе двадцатый век, остался голос жить,
Записан он на дисках и кассетах.
А пленки столько на земле, что если разложить,
То можно ею обернуть планету.
И пусть по радио твердят, что умер Джо Дассен,
И пусть молчат, что умер наш Высоцкий.
Что нам Дассен, о чем он пел не знаем мы совсем –
Высоцкий пел о нашей жизни скотской.
Он пел о том, о чем молчат, себя сжигая, пел,
Свою большую совесть в мир обрушив.
По лезвию ножа ходил, винил, кричал, хрипел
И резал в кровь свою и наши души.
И этих ран не залечить и не перевязать,
Вдруг замолчал – и холодом подуло...
Хоть умер от инфаркта он, но можем мы сказать:
За всех за нас он лег виском на дуло.

Гафт сравнивает в поэтическом некрологе смерть В.С. Высоцкого с гибелью А.С. Пушкина: *«Всего пяток прибавил бог к этой цифре 37, / Всего пять лет накинул к жизни плотской»*. В некрологе используются художественно-выразительное средство метафора для описания личностных качеств поэта: *«Он сердцем пел, / себя сжигая, пел, / Свою большую совесть в мир обрушив. / По лезвию ножа ходил, / И резал в кровь свою и наши души. / За всех за нас он лег виском на дуло»*. В. Гафт сожалеет о том, что уход великого поэта остался без внимания со стороны государства, которое больше придавало значение другим событиям: *«И пусть по радио твердят, что умер Джо Дассен, / И пусть молчат, что умер наш Высоцкий»*. Многоточие,

используемое в строке *«Вдруг замолчал – и холодом подуло...»*, обрывает жизнь поэта, эпохи, ставит логическую паузу, призывающую читателя остановиться, задуматься, осмыслить стремительный уход непризнанного поэта.

Проанализировав различные типы некролога, можно сделать вывод, что парадигма некрологов на современном этапе представляется более разветвленной; с определенной долей условности их можно разделить на три крупные группы: газетный (сухой, краткий), художественный и поэтический некрологи. Именно последние принадлежат высокой поэзии, в них преобладает эмоциональная окрашенность, они персонально-ориентированы и имеют подчеркнута субъективную мотивно-образную организацию текста.

Так, мы выделили следующие структурные и поэтические особенности некролога: написан в стихотворной форме; представляет поэтическое повествование, в котором изображены размышления и отношение автора к жизненному пути умершего; отсутствует документальность; поэтический текст эмоционально окрашен; используются художественно-выразительных средств (эпитеты, сравнение, метафоры и т.д.) при описании внешности, творческого пути, самого факта смерти; имеет различный объём текста. Общими чертами для газетного, художественного и поэтического некрологов являются жизнеописание покойного, оценка его деятельности, достоверность биографических сведений об умершем.

Художественный и поэтический некрологи объединяет эмоциональная окрашенность текста, так как выражается скорбь, боль и горечь утраты, сочувствие, сострадание к близким; также общим признаком является изобилие художественно-выразительных средств (например, эпитеты: *«блестящий, великолепный, непревзойденный»*; метафоры: *«растили дар стиха, Затянул смертельной петлею / Свой чудесный стихотворный дар, лег виском на дуло»*).

В отличие от газетного (сухость и краткость изложения) художественный и поэтический некрологи не ограничены в объёмах написания.

Отличаясь большой свободой выражения, некролог может вбирать в себя признаки других жанров: очерка, критической статьи, воспоминаний. Главным

героем такого некролога становится не только тот, о ком написан текст, но и историческая эпоха, определенная среда, частицей которой являлся умерший. В некрологах преобладает ямбическое звучание стиха, не осложненного формальным экспериментом. Лирика и эпика сплетаются в нерасторжимости воспоминаний и выражения скорбных чувств. Ораторский стиль сочетается с интимно-лирической тональностью. Поэтический некролог оставляет в народной памяти умерших творцов литературы и искусства.

В настоящий момент отсутствуют специальные исчерпывающие исследования основных аспектов эволюции жанра поэтического некролога, трансформации внутри жанровой формы, поэтому считаем необходимым провести анализ особенностей жанра поэтического некролога во второй главе нашей работы.

Глава II

Поэтический некролог в русской литературе XVIII-XX вв.

Во второй главе мы рассмотрели ряд поэтических некрологов XVIII-XX веков, в поле нашего внимания были основные аспекты эволюции этого жанра, трансформации внутри жанровой формы, а также некоторые индивидуальные особенности репрезентации данного жанра.

2.1. Поэтические некрологи XVIII-XIX веков

Некрологи как малый поэтический жанр являются пространством «несказанного». Постепенно формируясь как отдельный жанр, поэтический некролог приобретает определенный смысл благодаря обязательным и дополнительным элементам личного опыта автора. Обладая относительной свободой и от господствующей идеологии, и от внутреннего контроля научного сообщества, и от самоконтроля, тексты так называемых малых жанров, к каковым относится и поэтический некролог, свободно развиваются. Специфика данного жанра до сих пор в полной мере не изучена, именно поэтому данная область представляет собой уникальный источник для исследований.

Появление печатного некролога в европейской культуре происходит в XVII–XVIII вв., а в России – в самом конце XVIII века. Стихотворные некрологи, сохраняя пограничный статус, вбирают в себя черты надгробного слова и эпитафии. Печатные некрологи ритуальны, причем сам их текст воплощает словесную часть ритуала, а помещение его в периодике – это уже ритуальный жест. Совершающий публикацию некролога выступает в роли человека, исполняющего обряд. Но так как в данном случае неизменная формула установления контакта с сакральным миром отсутствует, человек, составляющий текст некролога, сам ищет слова для него. Функция «дирижера» накладывает на него огромную ответственность – и социальную, и личную. Некролог Нового времени, ставший частью ритуала поминовения, это, в первую очередь, слово о мертвом. Как правило, не только о нем.

Одной из наиболее изученных форм некролога является эпитафия, или надгробная надпись – «изречение (часто стихотворное), сочиняемое на случай чьей-либо смерти и используемое в качестве надгробной надписи» [68]. В XVIII–XIX вв. весьма популярным был жанр стихотворной эпитафии, которая не ругает, она возносит, восхваляет, что роднит ее с панегириком. Следуя заповеди древних «о мертвых или хорошо, или нечего», надпись наставляла уважать пройденный человеком путь и дела его жизни или хотя бы сочувствовать ушедшему и скорбеть о его кончине. Эти категории нашли свое отражение в некрологах. Рассмотрим стихотворный некролог из книги С.Н. Шубинского «Кладбищенская литература» (1869 г.) «На смерть Петра Кирилловича Хлебникова»:

Здесь Хлебников лежит, достоинств редких муж,
Кой в жизни сей любимым от всех честных был душ;
Хотя был век его на свете скоротечен,
Но труд его всегда пребудет славой вечен <...>
Не для себя живя, но пользу ближних строя,
Читатель, помолись, да вечного покоя
Сподобит дух его в селеньях райских Бог!
Сие творить нам всем предписан свыше долг.

[68].

Эпитафия П.К. Хлебникову, написанная в 1777 году, выражает отношение неизвестного автора к заслугам умершего перед обществом, обращается к читателю с призывом не забывать о том, что «Сие творить нам всем предписан свыше долг», автор использует эпитеты «вечного, райских», описывая встречу с божественными силами.

Следующая эпитафия 1776 года, посвященная Василию Петровичу Епифанову, напоминает плач, так как содержит мотивы оплакивания умершего: «...Отрет лиющаясь о нем потоки слез...». С точки зрения функционального поля, эпитафия выполняет литургическую функцию – как богослужение, обеспечивающее связь по вертикали между земным и небесным мирами.

Да отрока сего вселя Он внутрь небес,

Отрет лиющаясь о нем потоки слез;
Евангельское в том нас уверяет слово,
Что детям царствие небесное готово.

[68].

В сентябрьском номере «Санкт-Петербургского вестника» за 1779 год появилась ода Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского». Данный поэтический некролог принадлежит высокой поэзии. Г.Р. Державин посвящает оду своему знакомому князю Александру Ивановичу Мещерскому, который не прославил себя, с общественно-значимой точки зрения, никакими делами, его смерть, мрачная и неумолимая, поразила тем больше, что вся жизнь князя, «сына роскоши и нег», была «праздником красоты и довольства».

Глагол времён! Металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет – и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет,
И дни мои, как злак, сечет <...>
Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся...

[67].

Неумолимое и беспощадное время, уходящее и ускользающее от нас, символизирует бой часов, отбивая отпущенный каждому короткий срок земной жизни: «Глагол времен! Металла звон!». Этот «звон» заставляет читателя примириться с неизбежностью печального и жестокого закона жизни – смертью. При описании встречи со смертью используются художественно-выразительные средства олицетворение («Уже зубами смерть скрежещет»), сравнения («Как молнией... / как злак...») и метафора («Скользим мы бездны на

краю»). Безусловно, смерть А.И. Мещерского стала личной невосполнимой потерей для Г.Р. Державина. Такое сильное потрясение рождает у поэта грустные мысли о собственном жизненном пути, воспоминания о своем прошлом.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен.

[67].

При описании личного отношения к прожитым годам поэт обращается к следующим художественно-выразительным средствам: сравнение «*Как сон, как сладкая мечта*»; метафора «*Не сильно нежит красота, / Не столько восхищает радость*». Отенок личного отношения, появившийся в стихотворении, противоречил правилам классицизма. Употребление слов и выражений среднего стиля («сладкая мечта», «исчезла... младость») впоследствии широко войдут в средние жанры – элегию и послание.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерской! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? – Он там. – Где там? – Не знаем.

[67].

Автор обращается к народной песенной культуре причитания, используя лирическое обращение («*Куда, Мещерской! ты сокрылся?.. / К брегам ты мертвых удалился*»). И завершается ода следующей строфой:

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно, –
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?

Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

[67].

В данном стихотворении надгробная ода смешивается с элегией (песней грустного содержания, оплакивающей смерть, разлуку, утрату). В результате ода приобретает черты личностного характера, а элегии придается возвышенность. Совмещение элегии и классицизма не допустимо по правилам классицизма. Но Державин нашел в них общие мотивы: мотивы бренности земной жизни и несбыточности счастья ввиду неотвратимого конца («*Жизнь есть небес мгновенный дар*»). Данные мотивы приближают надгробную оду к жанру поэтического некролога. Так же можно отметить наряду с литургической функцией появление и коммуникативной функции, выстраивающей горизонтальные связи с обществом.

Таким образом, некролог в XVIII веке только начинал свой путь развития и был представлен в большей степени стихотворными эпитафиями и одическими текстами, как тот, что мы рассмотрели выше. Можно сделать вывод, что умерший был своеобразным провокатором разговора автора о самом насущном – о мире, о времени и о себе.

Перейдем к анализу поэтических некрологов XIX века. Некролог близок к надгробной речи, поэтому человек, берущий слово над могилой, оказывается в положении жреца, совершающего обряд проводов умершего в иной мир. Он берет на себя ответственность за точное проведение ритуала, рамки которого в современном мире в значительной мере определяются интуитивно. Граница между пространствами оставшихся и ушедших не абсолютна, – ее пересекает, в первую очередь, именно ритуальное слово.

Проанализируем один из самых известных поэтических некрологов XIX века – «Смерть поэта» М.Ю. Лермонтова. Не секрет, что Михаил Юрьевич Лермонтов восхищался творчеством своего современника, Александра Сергеевича Пушкина, и считал его одним из ярких представителей русской

литературы. Поэтому гибель кумира произвела на М.Ю. Лермонтова очень сильное впечатление. Поэт оказался одним из немногих, кто правдиво рассказал об этом трагическом событии, посвятив Александру Сергеевичу одно из самых сильных и ярких своих произведений – «Смерть поэта».

Поэтический некролог состоит из двух различных как по размеру, так и по настроению частей. Первая представляет собой печальную элегию, в которой М.Ю. Лермонтов описывает смерть Александра Сергеевича Пушкина. В ней поэт подробно говорит о лицемерии людей, которые при жизни унижали Пушкина, а после его смерти надели маску вселенской скорби: «...к чему теперь рыданья, пустых похвал ненужный хор и жалкий лепет оправданья?», – пытается обличить светское общество поэт.

Погиб поэт! – невольник чести –
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!..

[56].

Вторая часть поэтического некролога наполнена едким сарказмом и напрямую обращена ко всем тем, кто виновен в гибели поэта. Их М.Ю. Лермонтов изображает в качестве «надменных потомков», заслугой которых является лишь то, что они появились на свет у прославленных отцов. Поэт убежден в том, что виновным удастся избежать наказания за смерть А.С. Пушкина, так как преступники надежно защищены «сенью закона». Но при этом М.Ю. Лермонтов напоминает, что еще существует и Божий суд, который «недоступен звону злата».

...Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,

Пред вами суд и правда – всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли, и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

[56].

Выбранные поэтом средства художественной выразительности помогают передать характерные черты поэтического некролога XIX века, выразить возмущение и гнев в адрес убийц, и горечь личной потери. Для передачи своих чувств М.Ю. Лермонтов использует следующие эпитеты: *«свободный, смелый дар; пустое сердце; дивный гений; миг кровавый; глухая ревность; чёрна кровь; жалкий лепет; коварный шёпот; ничтожные клеветники»*.

Так же М.Ю. Лермонтов обращается к сравнениям: Поэт *«угас, как светоч»*; увял, как *«торжественный венок»*; погиб, *«как тот певец <...> воспетый им <...>»* (сравнение с Ленским – персонажем из романа в стихах «Евгений Онегин»). Можно отметить и перифразы (*«Угас <...> дивный гений, / Увял торжественный венок»*), метафоры (*«на ловлю счастья и чинов; Свободы, Гения и Славы палачи; жалкий лепет оправданья; злобно гнали <...> дар; И прежний сняв венок – они венец терновый, / Увитый лаврами, надели на него»*); ассонансы (*«поникший гордой головой»*) и аллитерации (*«пал оклеветанный молвой»*).

В стихотворении много риторических вопросов. Они нужны для того, чтобы заострить внимание на важнейшей для автора теме: *«Зачем <...> / Вступил он в этот свет завистливый и душный / Для сердца вольного и пламенных страстей? / Зачем он руку дал клеветникам ничтожным, / Зачем поверил он словам и ласкам ложным, / Он, с юных лет постигнувший людей?»*. Одинаковое синтаксическое построение соседних предложений придаёт

поэтической речи особую выразительность. Не случайно повторение слова «зачем» в начале предложений. Этот приём, называемый анафорой, также усиливает эмоциональность поэтического некролога.

Федор Иванович Тютчев посвятил два поэтических некролога А.С. Пушкину: «К оде Пушкина на Вольность» и «29 января 1837 года».

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он вышею рукою
В «цареубийцы» заклемен. <...>
И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил –
И осененный опочил
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

[69].

Поэтический некролог начинается с риторических вопросов, в которых отражена боль утраты, они носят философский характер. Как и во всех поэтических некрологах, говорится о значимости поэта – «*России сердце не забудет!..*». Ф.И. Тютчев говорит о нём так: «*Ты был богов орган живой*», «*велик и свят был жребий твой*». Подчёркивается значимость А.С. Пушкина, как человека, прославившего свою страну. От традиционного некролога совсем немного черт: признание заслуг Александра Сергеевича Пушкина; соболезнование, которое выражается всей стране, в связи с потерей гениального поэта.

Но не только к поэтическому некрологу обращались авторы при написании своих прощальных текстов, например, В.Ф. Одоевский в газете «Русский инвалид» через несколько дней после смерти А.С. Пушкина опубликовал художественный некролог, в котором выражает всю горечь *«невозвратимой потери»*, а используя метафору *«Солнце нашей поэзии закатилось!»*, дает определение поэтическому мастерству Александра Сергеевича. Текст некролога эмоционально окрашен, в нем отсутствует документальность.

«Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща! Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! Наш поэт! Наша радость! Наша народная слава!..».

[58].

Так же В.Ф. Одоевский в своем художественном некрологе утверждал, что скорбь по поводу утраты А.С. Пушкина невозможно выразить словами, признавал, что жизнь поэта оборвалась раньше срока. Но самым главное то, что творчество поэта оценивалось В.Ф. Одоевским как национальное достояние.

Пётр Андреевич Вяземский в 1837 году написал поэтический некролог на смерть А.С. Пушкина. П. А. Вяземский знал Александра Сергеевича еще ребенком в доме его родителей. Дружба их длилась до конца жизни А.С. Пушкина. Поэтический некролог П.А. Вяземского получил название «На память».

В края далекие, под небеса чужие
Хотите вы с собой на память перенести
О ближних, о стране родной живую весть,
Чтоб стих мой сердцу мог, в минуты неземные,
Как верный часовой, откликнуться: Россия!
Когда беда придет, иль просто как-нибудь
Тоской по родине заночует ваша грудь,
Не ждите от меня вы радостного слова;
Под свежим трауром печального покровы,

Сложив с главы своей венок блестящих роз,
От речи радостной, от песни вдохновенной
Отвыкла муза: ей над урной драгоценной
Отныне суждено быть музой вечных слез. <...>
Наш лавр, наш вещий лавр, услада наших дней,
Который трепетом и сладкозвучным шумом
От сна воспрянувших пророческих ветвей
Вещал глагол богов на севере угрюмом,
Что навсегда умолк любимый наш поэт,
Что скорбь постигла нас, что Пушкина уж нет.

[65].

П.А. Вяземский сравнивает А. С. Пушкина с «яркой звездой», его стихи называет – «*песни лучшие поэзии родной*». Свою боль от потери друга, он описывает такими словами: «*скорбь моя превыше сил моих*». Написанное стихотворение Вяземский определяет так: «*рыдающий мой стих*», «*памятник сердечных слез и стоны*».

Практически в каждом из некрологов, посвященных А. Пушкину, говорится о его божественном предназначении – быть поэтом. Его стихотворения называют «*глаголом богов*».

В некрологе «На смерть» текст эмоционально окрашен и достаточно большой по объёму. Используются следующие изобразительно-выразительные средства, которые позволяют передать всю гамму чувств: эпитеты («*живую весть, минуты неземные, радостного слова, печального покрывала, песни вдохновенной, урной драгоценной, вечных слез, сладкозвучным шумом*»), сравнение («*Как верный часовой*»), метафора («*Отныне суждено быть музой вечных слез*»).

Алексей Николаевич Апухтин родился уже после смерти А.С. Пушкина, он был очень способным декламатором, и слушатели получали неизменное удовольствие от чтения А.Н. Апухтиным как его собственных произведений, так и произведений любимых его поэтов, прежде всего, конечно, Александра

Сергеевича Пушкина, которому он посвятил поэтический некролог «Памяти Пушкина», написанный 19 октября 1858 года.

Я видел блеск свечей, я слышал скрипок вой,
Но мысль была чужда напевам бестолковым,
И тень забытая носилась предо мной
В своем величии суровом.

Курчавым мальчиком, под сень иных садов
Вошел он в первый раз, исполненный смущенья;
Он помнил этот день среди своих пиров,
Среди невзгод и заточенья.

Я вижу: дремлет он при свете камелька,
Он только ветра свист да голос бури слышит;
Он плачет, он один... и жадная рука
Привет друзьям далеким пишет.

Увы! где те друзья? Увы! где тот поэт?
Невинной жертвою пал труп его кровавый...
Пируйте ж, юноши, – его меж вами нет,
Он не смутит вас дерзкой славой!

[70].

А.Н. Апухтин не был современником А.С. Пушкина, но не смотря на это поэтический некролог, посвященный великому поэту, несёт в себе большую эмоциональную окраску, способствуют этому следующие художественно-выразительные средства, к которым прибегает А.Н. Апухтин в своем поэтическом некрологе: метафора («*И тень забытая носилась предо мной*», «*Невинной жертвою пал труп его кровавый*»), риторическое восклицание и риторический вопрос («*Увы! где те друзья? Увы! где тот поэт?*»).

Таким образом, композиционно текст «Смерть поэта» распадается на две части – различные как по объему, так и по пафосу. О близости данного программного произведения жанру некролога свидетельствуют следующие элементы: отношение автора к умершему, оценки его деятельности, эмоциональная окрашенность, обращение к художественно-выразительным

средствам. Особо отметим, что данное произведение обладает четкой трехчастной композицией, традиционно характеризующей некролог и сближающей его в структурном плане с такими жанрами, как ода, с одной стороны, и житие святого – с другой. Такое строение: хвалебная часть, следом – описание жизни усопшего, а в конце – снова похвала – сохраняется в большинстве пространных поэтических некролог и в наше время.

От традиционного некролога в текстах П. Вяземского, В. Одоевского, Ф. Тютчева, посвященных смерти гения, них, совсем немного черт: признание заслуг Александра Сергеевича Пушкина и мотив соболезнования, которое выражается всей стране в связи с потерей гениального поэта.

Обратимся к поэтическим некрологам Н.А. Некрасова, которые поэт посвятил В.Г. Белинскому, Т. Шевченко, Д.И. Писареву и Н.А. Добролюбову. Уход каждого из литературных деятелей интерпретируется Н.А. Некрасовым не как следствие трагической случайности или болезни, а как самая настоящая гибель, совершенная за родину, за свой народ, за любовь к ближним.

Поэтический некролог «Памяти друга», написанный в 1853 году, появилась на свет как поэма, посвященная критику. В.Г. Белинскому, затем Н.А. Некрасов напечатал некролог «Памяти друга», впоследствии переименованный в «Памяти Белинского»:

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел – и быстро ты угас!
Ты нас любил, ты дружеству был верен –
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен:
Твой труд живет и долго не умрет,
А ты погиб, несчастлив и незнаем!
И с дерева неведомого плод,
Беспечные, беспечно мы вкушаем.

Нам дела нет, кто возрастил его,
Кто посвящал ему и труд и время,
И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам сдержанное племя...
И, с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила...

[70].

Некрасов написал поэтический некролог к пятилетию со дня смерти В.Г. Белинского, при этом имя усопшего не названо, вероятней всего, по причине цензурных обстоятельств, которые не позволили его огласить. В некрологе главный образ именно и только В.Г. Белинского. Поэт рисует психологический портрет великого критика следующими строками: *«Наивная и страстная душа, / В ком помыслы прекрасные кипели, / Упорствуя, волнуясь и спеша,.. / Кипел, горел – и быстро ты угас! / Твой труд живет и долго не умрет».*

Белинский был для Некрасова «пророком». Называя своего учителя и друга наивной и страстной душой, человеком с прекрасными помыслами, поэт сожалеет о слишком короткой жизни критика, считает его судьбу печальной. По мнению Н.А. Некрасова, плоды напряженного и самоотверженного труда В.Г. Белинского будут долго существовать на земле. Поэт делает предположение, что потомки не узнают о Виссарионе Григорьевиче: *«И о тебе не скажет ничего / Своим потомкам сдержанное племя...».* Огорчает Некрасова и еще одно обстоятельство – критика стали забывать старые знакомые. С горькой интонацией Николай Алексеевич констатирует в конце стихотворения: *«И, с каждым днем окружена тесней, / Затеряна давно твоя могила, / И память благодарная друзей / Дороги к ней не проторила...».*

В 1861 г. Н.А. Некрасов создает поэтический некролог, продолжающий тему «народных заступников» – «На смерть Шевченко»:

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед за тем долгие дни заточения.
Всё он изведal: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Всё – и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость. В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.
Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое,
Всё, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалось.
Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалася.

[66].

Поэтический некролог написан под впечатлением безвременной кончины украинского поэта и художника Тараса Шевченко, поэтому в нем особенно сильны горькие иронические, порой саркастические интонации. Поэт указывает на конкретные детали биографии «человека замечательного». В ней условно выделяются три периода: молодость («С давнего времени: молодость трудная, / Полная страсти, надежд, увлечения, / Смелые речи, борьба безрассудная»), тюрьма («Всё он изведal: тюрьму петербургскую, / Справки, допросы,

жандармов любезности») и ссылка (*«Там, оскорбляемый каждым невеждою, / Жил он солдатом с солдатами жалкими»*), последние годы (*«Кончилось время его несчастливое,.. / Тут ему бог позавидовал: / Жизнь оборвалася»*). В первом из эпизодов преобладает лексика с семантикой отваги, решимости, преодоления трудностей. Центральная часть посвящена тягостным «дням заточения». Бедность, мучительная неизвестность, постоянные оскорбления – все это пришлось пережить народному поэту. В конце эпизода возрастают гнетущие интонации обреченности, безвольного ожидания смерти: *«Мог умереть он, конечно, под палками, / Может, и жил-то он этой надеждою»*.

По всему художественному тексту разбросаны замечания лирического героя, исполненные злой иронии. В зачине звучит призыв читателя к отказу от уныния. Авторский сарказм достигает кульминации к финалу. Трудной судьбой русского гражданина управляет всемогущее провидение, которое получает эпитет *«игривое»*.

Неожиданность смерти народного защитника подчеркивает выбор глагола – *«оборвалася»*. Эффект внезапности поддерживается на формальном уровне при помощи смены ритмического рисунка в заключительном двустишии.

Поэтический некролог *«Не рыдай так безумно над ним»* впервые опубликован в 1868 году и, по свидетельству Н.А. Некрасова, навеян неожиданной смертью Д.И. Писарева:

Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым!
Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем,
Становись перед ним на колени,
Украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно,
Вспомни, сколько пали в борьбе,
Сколько раз уже было тебе
За великое имя обидно!

А теперь его слава прочна:
Под холодною крышкою гроба
На нее не наложат пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...
Не хочу я сказать, что твой брат
Не был гордою волей богат,
Но, ты знаешь: кто ближнего любит
Больше собственной славы своей,
Тот и славу сознательно губит,
Если жертва спасает людей.
Но у жизни есть мрачные силы –
У кого не слабели шаги
Перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава – враги.
Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
«У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает...».

[66].

Тревога Н.А. Некрасова о судьбе своего поколения и о собственной судьбе в связи с муравьевской историей, о «мрачных силах» жизни, с годами убивающих способности к подвигу, и о счастье «умереть молодым» проводится через весь некролог: *«Хорошо умереть молодым! / А теперь его слава прочна: / На нее не наложат пятна / Ни ошибка, ни сила, ни злоба... / Русский гений издавна венчает / Тех, которые мало живут».*

Последние строки некролога – это пословица, которую можно найти в сборнике пословиц Даля: *«У счастливого умирает недруг, у несчастного – друг»* [Даль, 1957: 68]. Народную пословицу поэт изменил, сделав акцент на смерти близкого человека: *«У счастливого недруги мрут, / У несчастного друг умирает...».*

В 1864 году Николай Алексеевич Некрасов написал свое знаменитое стихотворение-посвящение «Памяти Добролюбова», скончавшегося в 1861 году от чахотки в возрасте двадцати пяти лет:

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.
Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. <...>
Плачь, русская земля! но и гордись –
С тех пор, как ты стоишь под небесами,
Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно...
Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

[57].

В поэтическом некрологе «Памяти Добролюбова» Н.А. Некрасов создает образ истинного гражданина, пламенного борца, подвижника, обращаясь в данном случае к христианской житийной символике, наделяя героя чертами мученика, аскета. Поэт говорит об особом пути истинного гражданина, пророка, прошедшего путь аскета, который подчинил страсти рассудку и сознательно отверг мирские наслаждения. Родину Н.А. Некрасов сравнивает с женщиной: «*Как женщину, ты родину любил*». При описании нравственного подвига Добролюбова поэт обращается к старославянизмам: «*мирские*

наслажденья, жажда, перлы, вещей, небеса, недра». Также для передачи эмоционального отношения используются лирические обращения: «*Плачь, русская земля!.. / Природа-мать!*». Н.А. Некрасов красноречиво описывает добродетели, которыми, по его мнению, был наделен Добролюбов, такими чертами стали суровость, подчинение страстей рассудку, отказ от мирских наслаждений, душевная чистота, борьба за счастье.

Таким образом, можно сделать вывод, что в XVIII веке некролог был больше представлен жанром стихотворной эпитафии (надгробной надписи), которая выполняла литургическую функцию. В XIX веке все больше на первый план выходит собственно самостоятельный жанр поэтического некролога, приобретающего специфические признаки: ярко выраженное отношение автора к умершему, эмоциональную окрашенность, изобилие художественно-выразительных средств (эпитеты, сравнение, метафора, риторический вопрос, аллитерация и т.д.), наличие литургической, коммуникативной и нарративной функций (описание включает не только биографический нарратив с акцентом на чертах характера и качествах личности покойного, но и оценки его деятельности, выражение солидарности с той или иной его позицией). Имея двойственную природу – фольклорный плач-причитание и книжную летописную повесть, и на ранних этапах своего формирования фактически оказываясь неразличимым среди жанров эпитафии, используемой в качестве надгробной надписи, и духовной оды, (в отличие от ораторского жанра торжественной оды) являющейся лирическим жанром, выражающими личную авторскую эмоцию; некролог с течением времени приобрел свои собственные устойчивые черты, позволяющие ему, несмотря на трагичность тематики, оставаться востребованным в современном литературном процессе.

2.2. Своеобразие поэтические некрологов в литературе XX века: традиции, трансформации и новые элементы поэтики

Поэтический некролог в России на конец XIX – начало XX вв. приобретает новые характерные черты: растет личностное присутствие авторов каждого

высказывания, а также постепенно расширяется аудитория, к которой это высказывание обращено, и по мере удаления от даты смерти внимание перемещается с мира мертвых на мир живых, баланс между ними восстанавливается, граница между поминанием (обращенном к мертвому) и воспоминанием (обращенном к живущим) становится весьма условной. В начале XX века к литургической и коммуникативной функциям прибавляется нарративная функция, основанная на биографических данных, которая рассказывает о человеке, оставившем наш мир. Но это вовсе не бытовой рассказ, а поэтическое повествование о том, что из насущно необходимого для жизни мы утратили.

Обратимся к поэтическим некрологам Анны Андреевны Ахматовой, в течение сталинского периода изустно создававшей некрологи в стихах, а в рукописи 1962 года оформившей цикл, озаглавленный «Венок мертвым», который включен в «Седьмую книгу» стихотворений «Тайны ремесла».

Самое раннее стихотворение цикла – «Памяти Бориса Пильняка» (1937) – о бесследном исчезновении известного прозаика, арестованного внезапно и погибшего в тюрьме в том же году.

Все это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин
Врывается во тьму декабрьской ночи, –
И по тропинке я к тебе иду,
И ты смеешься беззаботным смехом,
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом.
О, если этим мертвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своем, тужу
И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...

Но выкипела, не дойдя до глаз,
Глаза мои не освежила влага.

[Ахматова, 2013: 320].

Можно сделать наблюдение, что смерть всегда вызывает оплакивание, то есть – плач, слезы, рыдание, истоками которых является фольклорный плач по покойному. Он может реализовываться как открыто (то есть использоваться слова специфические, метафоры, сравнения), так и скрыто, то есть – подразумеваться. У А.А. Ахматовой в данном тексте репрезентирован мотив слёз, константный для поэтики некролога: «...кто *плачет*, / Кто может *плакать* в этот страшный час <...> Но выкипела, не дойдя до глаз, / *Глаза мои не освежила влага*».

Смерть в культуре часто ассоциируется с ночью, которая означает хаос, безумие, разрушение, возвращение к утробному состоянию мира и символ физической смерти. Мотив смерти в данном поэтическом некрологе также ассоциирован с ночью: «...*Когда бессонный мрак вокруг клокочет* <...> *Врывается во тьму декабрьской ночи...*».

Следующий текст, к которому обратимся – поэтический некролог В.В. Маяковского «Сергею Есенину». Поэт работал над данным стихотворением около трех месяцев. Рукопись сдана в издательство «Заккнига» 25 марта 1926 года.

Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.
Пустота...
Летите,
В звёзды врезываясь...

[59].

В. Маяковский начинает разговор с Есениным с уважением и на равных, как в стихотворении «Юбилейное» – с А.С. Пушкиным. Поэт сдержан, но всё же не может не оплакать смерть своего литературного оппонента. Мотив «оплакивания» введён В. Маяковским по контрасту: стихотворение начинается

с шутки, ясно указывающей на известное пристрастие С. Есенина к алкоголю как на причину его смерти («Пустота... // Летите, в звёзды врезываясь. // Ни тебе аванса, ни пивной»). Но тут же следует трагическая отбивка: «Нет, Есенин, это не насмешка. // В горле горе комом – не смешок...».

Выражение горя принимает у В. Маяковского «деятельный» характер: он как будто пытается спасти С. Есенина, убедить его «прекратить», «бросить» («Вы в своём уме ли? // Дать, чтоб щёки заливал смертельный мел?!»). Но, не имея возможности предотвратить катастрофу, поэт не успокаивается: он пытается выяснить причину трагического поступка Есенина («Почему? Зачем? Недоуменье смяло»). Отвечая на этот вопрос, Маяковский ввязывается в борьбу не с Есениным, а с теми, кто судит его и «трётся» вокруг него, с его противниками и поклонниками. По В. Маяковскому, и те, и другие врут, ничего не понимая ни в С. Есенине, ни в жизни.

В своём оплакивании С. Есенина и споре с ним В. Маяковский, конечно, не забывает о своей поэтической артиллерии: за сильным приёмом следует ещё более сильный. Это и неожиданная метафора с явным намёком на поэтику «Чёрного человека» («собственных костей качаете мешок»), и гротеск (о космическом пространстве – «ни тебе аванса, ни пивной»), и парадоксальные силлогизмы (о вине и «классе», о чернилах в «Англетере»). В своём поэтическом некрологе В. Маяковский щедр на неологизмы («рассоплено», «калекши»), аллитерации («звонкий забулдыга»), внутренние рифмы («мямлить стих и мять»), каламбурные рифмы («рассоплено – Собинов», «дохлый – вздоха», «калекши – легшее»). В. Маяковский не устаёт использовать приёмы словесного «сжатия», совмещать предмет и признак, минуя промежуточные звенья: «стихов заупокойный лом», «трёхпалый свист». Не обошлось и без гротескной метафоры: «чтобы врассыпную разбежался Коган, // встречных увеча пиками усов». Но самым эффектным приёмом В. Маяковского становится финальная аллюзия из предсмертного стихотворения С. Есенина, полемически переиначивающая его смысл. У Есенина было: «В этой жизни умирать не ново, // Но и жить, конечно, не новей», а у Маяковского стало: «В этой жизни

помереть не трудно. // Сделать жизнь значительно трудней». Таков жизнеутверждающий финал стихотворения на смерть С. Есенина.

В некрологах, появляющихся на страницах изданий, как бы закодирована информация о самом времени. К примеру, некрологи 20-х годов имели ярко выраженную форму эпичности, содержали в себе элементы разговорной речи, создавались исключительно теми людьми, которые близко знали умершего.

Ещё одним другом, откликнувшимся на смерть Есенина проникновенным некрологом «Сергею Есенину» стал Тициан Юстинович Табидзе – грузинский поэт, один из основателей литературного объединения «Голубые роги», которое С.А. Есенин упоминает в своем стихотворении «Поэтам Грузии». Он познакомился с С.А. Есениным в сентябре 1924 года и стал одним из наиболее близких его друзей по Тифлису.

Был необъезженным, как жеребенок
Как Чагатар в крови был весь.
Я очень жалею, что в мир погребенных
Сопровождает тебя моя песнь.

Шла за тобою тоска степная,
Шла – к ущелью Дарьяла пришла.
Душу встретит душа живая,
Слезы хлынут – нет им числа.
Разве в спасение сердца не верил?!
Разве о жизни не думал всегда?
Кто нас утешит в этой потере?
Кто же нам смочит краску стыда? <...>

Это – тяжелое потрясенье.
А еще тяжелей, что дитя мечты
Юный красавец – Сергей Есенин,
Эту клятву не слышишь ты.

Если в преддверьи иного света
Головы наши от нас отлетят,

Пусть узнают среди поэтов
Был на Есенин и друг, и брат.

[50].

Табидзе не разделяет тот способ смерти, который выбрал Есенин. Но он говорит о сходстве между ними, некоем родстве – «и друг, и брат», «верю в родство наше». Для Табидзе смерть поэта – «горестная быль», «горечь незарубцованных ран», «тяжёлое потрясенье».

Риторические вопросы отражают безысходность автора, он не понимает, что заставило С.А. Есенина покончить с собой: *«Разве о жизни не думал всегда? / Кто нас утешит в этой потере? / Кто же нам смоем краску стыда?»*.

«Смерть поэта», стихотворение (сборник «Второе рождение») написанное в 1930 году, посвящено смерти В.В. Маяковского. Для Б.Л. Пастернака В.В. Маяковский был столь же гениальным поэтом, как А. С. Пушкин для М.Ю. Лермонтова. В названии стихотворения мы видим переключку с лермонтовским стихотворением «Смерть поэта».

Не верили, считали – бредни,
Но узнавали от двоих,
Троих, от всех. Равнялись в строку
Остановившегося срока
Дома чиновниц и купчих,
Дворы, деревья, и на них
Грачи, в чаду от солнцепека
Разгоряченно на грачих
Кричавшие, чтоб дуры впредь не
Совались в грех, да будь он лих. <...>
Ты спал, прижав к подушке щеку,
Спал, – со всех ног, со всех лодыг
Врезаясь вновь и вновь с наскоку
В разряд преданий молодых.
Ты в них врезался тем заметней,
Что их одним прыжком достиг.

Твой выстрел был подобен Этне
В предгорьях трупов и трусих.

[51].

В стихотворении, кроме названия, заимствованного у М.Ю. Лермонтова, также прослеживается пластическое сочетание плача по умершему. Поэт стремится воссоздать яркий образ поэта (*«Ты в них врезался тем заметней, / Что их одним прыжком достиг»*); сближаясь с поэтическим миром В. Маяковского, воздает ему дань, высоко оценивает его поэтическое творчество.

Среди современных поэтических некрологов обратимся к анализу некролога Александра Ирбитова, посвященного «Памяти Евтушенко»:

От южных мест, где медлит бег волна,
До быстрых вод Вилюя и Витима –
Есть повод выпить доброго вина,
И две свечи зажечь неопалимых.

...Взмах нервных рук и синих глаз река –
От слов простых ревели стадионы.
Твоей судьбы гружёные вагоны
Под шум трибун спешили в облака.

Покинувшим земли родной причал –
Ты долг отдал, и руку жал великим –
В делах больших, а в малых замечал –
Сокрытый смысл событий многоликих.

В чужом краю продляя свой расцвет –
Ты оставался здесь в минуте каждой.
Эпохи заблудившейся поэт –
Горит твой факел, поднятый однажды.

Горит и тает серых дней тюрьма

В предчувствии весны неотвратимой.
Летит твой поезд к станции Зима,
Сбавляет ход – и снова мчится в зиму.

[74].

В первой строфе А. Ирбитов призывает читателя вспомнить ушедшего поэта: *«Есть повод выпить доброго вина, / И две свечи зажечь неопалимых»*. В некрологе поэт затрагивает основные этапы творческой жизни Е.А. Евтушенко: бум эстрадной поэзии (*«От слов простых ревели стадионы»*), период эмиграции (*«Покинувшим земли родной причал – / Ты долг отдал, и руку жал великим – / В чужом краю продляя свой расцвет»*), народное признание (*«Ты оставался здесь в минуте каждой. / Эпохи заблудившейся поэт – / Горит твой факел, поднятый однажды»*). Творческий дар Е.А. Евтушенко, по мнению А. Ирбитова, заключается в способности поэта смотреть сквозь время и видеть скрытый смысл всего происходящего: *«В делах больших, а в малых замечал – / Сокрытый смысл событий многоликих»*.

Для воплощения психологического портрета Е.А. Евтушенко поэт использует метафоры: *«синих глаз река / Твоей судьбы гружёные вагоны / Горит твой факел, поднятый однажды. / Горит и тает серых дней тюрьма / Летит твой поезд к станции Зима»*; гиперболу: *«От южных мест, где медлит бег волна, / До быстрых вод Вилюя и Витима / ревели стадионы»*. Уход великого поэта А. Ирбитов сравнивает с освобождением от тюремного заключения: *«Горит и тает серых дней тюрьма / В предчувствии весны неотвратимой»*. И дальнейшее путешествие Е.А. Евтушенко связывает с возвращением в родные земли: *«Летит твой поезд к станции Зима, Сбавляет ход – и снова мчится в зиму»*.

Таким образом, проанализировав поэтические некрологи первой половины XX века, мы пришли к выводу, что своеобразие и уникальность поэтических некрологов данного периода заключается в формировании эмоционального поля восприятия личности покойного, при помощи воспоминаний об усопшем, обозначается контекст его вечного существования. Свообразие и уникальность поэтических некрологов XX века заключается в формировании эмоционального

поля восприятия личности ушедшего в иной мир, при помощи воспоминаний об усопшем, обозначается контекст его вечного существования. Помимо признаков поэтического некролога, ставших к началу XX века традиционными, в текстах данной культурно-исторической эпохи появляются новые элементы: отражение в них личности и мировоззрения автора некролога, акцентирование внимания на той аудитории, для которой написан некролог; конструирование образа ушедшего с акцентуацией черт его характера и качеств личности, оценка его деятельности, выражение солидарности с его прижизненной позицией. В тексте некролога также нередко обозначаются проблемы, актуальные для самого автора некролога в определенный период его жизни, кроме того, в них переплетается личное и социальное.

К данным некрологам отнесем цикл А. Ахматовой «Венок мертвым», стихотворение В.В. Маяковский «Сергею Есенину», стихотворение «Об отошедшем (О С. Есенине)» А.К. Воронского и ряд других поэтических произведений.

Среди современных некролог нами проанализирован некролог А. Ирбитова «Памяти Евтушенко», в котором сообщается об основных творческих этапах жизни великого поэта.

Таким образом, мы можем заключить, что жанр поэтического некролога является одним из сквозных жанров русской литературы. Традиционно он преследует одну главную задачу – сообщить о фактах жизни умершего при помощи того набора выразительных средств, которые в наибольшей мере способствуют передачи скорби от утраты. Имея двойственную природу – фольклорный плач-причитание и книжную летописную повесть, и на ранних этапах своего формирования фактически оказываясь неразличимым среди жанров эпитафии и духовной оды, некролог с течением времени приобрел свои собственные устойчивые черты, позволяющие ему, несмотря на трагичность тематики, оставаться востребованным в современном литературном процессе.

Заключение

Проанализировав в первой главе нашего исследования историю развития жанра поэтического некролога, рассмотрев структурные и поэтические особенности некролога как самостоятельного жанра, мы пришли к выводу, что на его формирование оказывают влияние произведения книжной и фольклорной традиции.

Мы установили, что жанр поэтического некролога берёт своё начало в древнерусской литературе. Например, повесть под 1147 г. «Об убийстве Игоря Олеговича», под 1168 г. – «О кончине Ростислава Мстиславича» и другие обладают общими чертами, близкими будущему жанру некролога: сообщается о дате смерти князя, месте погребения; добавляется и краткое упоминание о плаче над телом покойного его ближайших родственников или всего народа. При этом фольклорные истоки некролога связаны с *плачем, причитанием*, который являлся жанром русской обрядовой и бытовой народной поэзии; лирико-драматической импровизацией в стихах, в которых оплакивается утрата близкого человека. Фактически как самостоятельный жанр плачи проникают в книжные произведения, например, широко известный плач Ярославны в «Слове о полку Игореве». Вместо фактов и конкретики народный плач «передает» жанру некролога эмоциональность, субъективность и необходимый набор изобразительно-выразительных средств. Мелодия в причитаниях выражена слабо, зато большую роль играли всхлипывания, оханье, поклоны. В народной песенной культуре причитания создавались от имени того, кому посвящен обряд (невесты, рекрута), или от имени иных его родственников. По форме они представляли собой монолог или лирическое обращение.

Анализ различных типов некролога показал, что парадигма некрологов на современном этапе становится более разветвленной; ее можно разделить на три обширные группы: газетный (сухой, краткий), художественный и поэтический некрологи. Высокой поэзии принадлежат поэтические некрологи, так как в них преобладает эмоциональная окрашенность, они персонально-ориентированы и имеют подчеркнута субъективную мотивно-образную организацию текста.

Так, мы выделили следующие структурные и поэтические особенности: написан в стихотворной форме; представляет поэтическое повествование, в котором изображены размышления и отношение автора к жизненному пути умершего; отсутствует документальность; поэтический текст эмоционально окрашен; используются художественно-выразительных средств (эпитеты, сравнение, метафоры и многие другие) при описании внешности, творческого пути, самого факта смерти; имеет различный объём текста. Общими чертами для газетного, художественного и поэтического некрологов являются жизнеописание покойного, оценка его деятельности, достоверность биографических сведений об умершем.

Во второй главе нашей работы мы проанализировали особенности жанра поэтического некролога и трансформации внутри жанровой формы, рассмотрели ряд поэтических некрологов XVIII-XX веков, выделили особенности репрезентации данного жанра.

Некролог в XVIII веке только начинал свой путь развития и как самостоятельный жанр ещё не сформировался. Поэтому он был представлен в большей степени эпитафиями (краткая запись), в меньшей степени одами (объемное произведение). При этом важно отметить, что в этот период развития жанра сам умерший оказывался словно «провокатором» разговора автора о самом насущном – о мире, о времени и о себе.

Среди поэтических некрологов XIX века мы провели анализ самого известного поэтического некролога этого времени – «Смерть поэта», принадлежащего перу М.Ю. Лермонтова. О близости данного программного произведения жанру некролога свидетельствуют следующие элементы: отношение автора к умершему, оценки его деятельности, эмоциональная окрашенность, обращение к художественно-выразительным средствам. Особо отметим, что данное произведение обладает четкой трехчастной композицией, традиционно характеризующей некролог и сближающей его в структурном плане с такими жанрами, как ода, с одной стороны, и житие святого – с другой. Такое строение: хвалебная часть, следом – описание жизни усопшего, а в конце

– снова похвала – сохраняется в большинстве пространных поэтических некролог и в наше время.

Своеобразие и уникальность поэтических некрологов первой половины XX века заключается в формировании эмоционального поля восприятия личности покойного, при помощи воспоминаний об усопшем, обозначается контекст его вечного существования. Помимо признаков поэтического некролога в текстах данной культурно-исторической эпохи появляются новые элементы: отражение в них личности и мировоззрения автора некролога, акцентирование внимания на той аудитории, для которой написан некролог; конструирование образа ушедшего с акцентуацией черт его характера и качеств личности, оценка его деятельности, выражение солидарности с его прижизненной позицией. В тексте некролога также нередко обозначаются проблемы, актуальные для самого автора некролога в определенный период его жизни, кроме того, в них переплетается личное и социальное. К данным некрологам отнесем цикл А. Ахматовой «Венок мертвым», стихотворение В.В. Маяковский «Сергею Есенину», стихотворение «Об отошедшем (О С. Есенине)» А.К. Воронского и ряд других поэтических произведений.

Актуальность использования поэтического некролога и в настоящее время прослеживается на примере некролога А. Ирбитова «Памяти Евтушенко», в котором описывается творческий путь поэта Е.А. Евтушенко. Итак, мы можем заключить, что жанр поэтического некролога является одним из сквозных жанров русской литературы. Традиционно он преследует одну главную задачу – сообщить о фактах жизни умершего при помощи того набора выразительных средств, которые в наибольшей мере способствуют передачи скорби от утраты. Некролог с течением времени приобрел свои собственные устойчивые черты, позволяющие ему, несмотря на трагичность тематики, оставаться востребованным в современном литературном процессе.

Список используемой литературы

Художественные тексты:

1. Ахматова А.А., Первый Бег времени. Реконструкция замысла. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. – 320 с.
2. Державин Г.Р., Сочинения. – СПб. : Тип. Императ. Академии наук, 1869. – Т. 2, Ч. II – 464 с.
3. Лихачев Д.С., Человек в литературе Древней Руси. – М.; 1958 Муравьев М.Н., Стихотворения. – Л. : Сов. писатель, 1967. – 387 с.
4. Львов Н.А., Стихотворения // Поэты XVIII века. – Л. : Сов. писатель, 1972. – Т. II. – 190–257 с.
5. Мерзляков А.Ф., Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1958. – 327 с.

Научные работы:

6. Небольсина С.А., Венок Пушкину: Сборник / Сост. и примеч.– М. : Сов. Россия, 1987. – 256 с.
7. Блудилина Н.Д., Запад в русской литературе XVIII века: Автореф. дис. ... д-ра фи-лог. наук. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 42 с.
8. Вопросы истории и теории критики. – Тюмень, 1976.
9. Гегель Г.В.Ф., Символика Возвышенного // Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. – СПб.: Наука, 1999. – Т. I. – 402–416 с.
10. Громова, А.В. Жанровая система творчества Б.К. Зайцева : литературно-критические и художественно-документальные произведения Текст. : автореф. дис. . докт. филол. наук : 10.01.01 / Громова Алла Витальевна. – Орел : Русская литература, 2009. – 39 с.
11. Даль, В. Пословицы русского народа. – М., 1957, с. 68.
12. Еремин И.П., Волынская летопись 1289-1290 годов. – ТОДРЛ. – 1957. – Т. XIII. – 102–118 с.
13. Еремин И.П., Киевская летопись как памятник литературы. – 1949. – Т. VII. – 67–98 с.

14. Еремин И.П., Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики). – М. : Наука, 1966. – 263 с.
15. Еремин И.П., Новейшие исследования по вопросу художественной формы древнерусских литературных произведений. – ТОДРЛ. – 1956. – Т. XII. – 284–291 с.
16. Еремин И.П., Лекции и статьи по истории древней русской литературы. – Л., 1987. – 326 с.
17. Еремин И.П., О художественной специфике древнерусской литературы. – Л. – 1958. – № 1. – 75–82 с.
18. Западов В.А., Державин Г.Р. (биография). – М.–Л. : Просвещение, 1965. – 166 с.
19. Захариева, И. Аспекты формирования канона в русской литературе XX века Текст. / И. Захариева. София, 2008. – 83-88 с.
20. Зельдович М.Г., Уроки критической классики. Вопросы теории методологии критики. Харьков, 1976.
21. Зольгер К., В.Ф. Эрвин., Четыре диалога о прекрасном и об искусстве. – М. : Искусство, 1978. – 432 с.
22. Каменка-Страшакова Я., Творческий гений как категория эстетики и этики в романтической культуре // О Просвещении и романтизме: Советские и польские исследования. – М.: Изд-во АН СССР, 1989. – 93–108 с.
23. Кант И., Наблюдение над чувством Прекрасного и Возвышенного, 1764 // Кант И. Соч.: в 6 т. – М.: Гослитиздат, 1964. –Т. II. – 125–183 с.
24. Касаткина В.Н., Предромантизм в русской лирике. К.Н. Батюшков. – Н.И. Гнедич. – М.: Изд-во Моск. обл. пед. ин-та, 1987. – 88 с.
25. Карамзин Н.М., Письма русского путешественника. – М. : Сов. Россия, 1983. – 511 с.
26. Короставцев Л.О., О высоком (sublime) и простосердечном (naif) // Сочинения и переводы студентов Императ. Харьковск. ун-та, читанные 1822 года Июня 30 числа по окончании экзаменов их... – Харьков: Университет. типогр., 1822. – 70–125 с.

27. Кошечкина С., Венок Есенину / Сост., вступ. Ст., примеч. – М. : Сов. Россия, 1988. – 304 с.
28. Мелетинский Е.М., Литературные архетипы и универсалии : Сб. ст. / Под ред. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 433 с.
29. Немировская И.Д., Жанр комической оперы последней трети XVIII века : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара : СамГПУ, 1997. – 28 с.
30. Орлова, Г.А. Биография (при)смерти : заметки о советском политическом некрологе Текст. / Г.А. Орлова // Журнал «Неприкосновенный запас». – № 2(64), 2009. – 64 с.
31. Пауткин А.А., Характеристика личности в летописных княжеских некрологах // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. – М., 1989. Сб. № 1. – 231–246 с.
32. Пауткин А.А., Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. – М., 2002.
33. Пауткин А.А., Характеристика личности в летописных княжеских некрологах. – 233 с.
34. Поэты 1790–1810-х годов. – Л.: Сов. писатель, 1971. – 912 с.
35. Поэты-радищевцы / Под ред. Вл. Орлова. – Л.: Сов. писатель, 1935. – 885 с.
36. Прокопович Ф., Сочинения. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – 502 с.
37. Пумпянский Л.В., Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. – Л.: Наука, 1983. – Сб. 14. – 3–44 с.
40. Прозоров В.В., Милованова О.О., Елина Е.Г. История русской литературной критики : Учеб. для вузов / и др.; под ред. В.В. Прозорова. – М.: Высш. шк., 2002.
41. Поляков М.Я., Поэзия критической мысли. – М., 1968.
42. Рогов Т.О., О чудесном // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: в 2 т. – Л.: Искусство, 1974. – Т. I. – 340–350 с.
43. Рубцова Н.В., Тема искусства и личность художника в трактовке Дж. Вазари и В.-Г. Вакенродера // Романтизм: грани и судьбы. – Тверь : Изд-во Тверск. ун-та, 1999. – Вып. 3. – 122–127 с.

44. Русская литература XX века в зеркале критики. Хрестоматия. – М., 2003.
45. Сионова С.А., Поэзия М.Н. Муравьева (К проблеме становления предромантизма в русской литературе второй половины XVIII века) : Дис. ... канд. филол. наук. – Елец: Елецк. гос. ун-т., 1995. – 244 с.
46. Троицкий Л.Д., Памяти Сергея Есенина // Памяти Есенина. – М., 1926. 11–12 с.
47. Чистова К, Чистова Б, Русская народная поэзия: Обрядовая поэзия. – Л., 1984.
48. Шиллер Ф., О Возвышенном // Шиллер Ф. Собр. соч. : в 7 т. – М, 1957. – Т. VI. – 488–504 с.
49. Шиллерово рассуждение о высоком // Санкт-Петербургский вестник. – 1812. – Ч. 3. – 161–179, 266–284 с.

Интернет-ресурсы:

50. Livejournal – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://esenin-1925.livejournal.com/2943.html>.
51. Literatura5.narod.ru – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://literatura5.narod.ru/pasternak_smert.html.
52. Sputnik – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.sputnik.az/columnists/20161101/407572335/nekrolog-vladimir-zeldin-akter-sknchalsja.html>
53. Pishi-stihi.ru – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://pishi-stihi.ru/pamyati-belinskogo-nekrasov.html>.
54. Анна Ахматова. Памяти Бориса Пильняка – [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=3293.
55. Воронский Александр Константинович. Об отошедшем [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://az.lib.ru/w/woronskij_a_k/text_1926_ob_otoshedshem.shtml.
56. Вся поэзия.ру [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.allpoetry.ru/?s=2706>.

57. Высоцкий В. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://forum.ru-board.com/topic.cgi?forum=41&topic=0850>.
58. Интернет-библиотека Алексея Комарова – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/990/p.1/index.html>.
59. Интернет-библиотека Алексея Комарова – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/1024/p.1/index.html>.
60. Исторические сюжеты – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://storyfiles.blogspot.ru/2013/12/blog-post_4271.html.
61. Маяковский Владимир. Сергею Есенину – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kostyor.ru/poetry/mayak/?n=8>.
62. Маяковский Владимир Владимирович – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_0900.shtml.
63. Михаил Ломоносов – избранные произведения – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/15179/mikhail-lomonosov-izbrannye-proizvedeniya-19.php>.
64. Научная библиотека диссертаций и авторефератов. Летописные повествования о княжеской смерти : жанрово-стилевой анализ – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/letopisnyepovestvovaniya-o-knyazheskoi-smerti-zhanrovo-stilevoi-analiz#ixzz4dWtMqSYX>.
65. Независимая – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ng.ru/culture/2016-11-01/16_6849_memory.html.
66. Некрасов – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://nekrasov.niv.ru/nekrasov/stihi/279.htm>.
67. Петербургский дневник – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.spbdnevnik.ru/news/2016-06-06/umer-akter-aleksey-zharkov/>
68. РВБ: XIX век: П. А. Вяземский – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rvb.ru/19vek/vyazemsky/01text/01versus/163.htm>.
69. Помни всегда – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://imena.pomnivsegda.ru/page/45517>.

70. Русская поэзия – [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://rupoem.ru/derzhavin/glagol-vremen-metalla.aspx>.
71. Сергей Николаевич Шубинский Кладбищенская литература (Эпитафии XVIII века) – [Электронный ресурс] – Режим доступа:
http://az.lib.ru/s/shubinskij_s_n/text_1869_kladbishenskaya_literatura.shtml.
72. Стихи XIX–XX веков – [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/tutchev9.html>.
73. Стихи XIX–XX веков – [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/apuhtin41.html>.
74. Стихи.ру – [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://www.stihi.ru/2017/04/03/7467>
75. Эпитафии – [Электронный ресурс] – Режим доступа:
http://epitafii.ru/necrolog/nikolay_gumilev.html.